
БОГОЯВЛЕНСКАЯ Д.Б.,
доктор психологических наук,
профессор, почетный профессор
МГУ, почетный член РАО,
главный научный сотрудник
ФГНУ «Психологический
институт» РАО, г. Москва, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ Г.И.ЧЕЛПАНОВА: СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Ключевым положением взглядов Челпанова является его убеждение, что наука, если она наука, не может ею быть без концептуализации своих положений и осознания своих оснований. Это положение лежит в основе представленного исследования, поскольку нами показано как именно положения отечественной методологии обеспечили принципиально новый подход к исследованию психологии творчества и одаренности, снимающий ограничения предшествующих «атомистических» теорий. В соответствии с требованием Челпанова изучать явление в его целостности реализовано нами в схватывании целостности изучаемого явления путем выявления его «единицы анализа». В этом качестве выступает способность развития деятельности по инициативе ее субъекта. Соответственно данному определению понятий творчества и одаренности нами представлен новый психодиагностический метод «Креативное поле», отвечающий принципам, соответствующим требованиям к научно плодотворному эксперименту Челпанова. Это многократность исследования и принципиально индивидуальный эксперимент.

Ключевые слова: методология, философия, рефлексия, теория, метод, диагностика, индивидуальный эксперимент, многоразовый эксперимент, творчество, одаренность.

Ключовим положенням поглядів Челпанова є його переконання, що наука, якщо вона наука, не може нею бути без концептуалізації своїх положень і усвідомлення своїх підстав. Це положення лежить в основі представленого дослідження, оскільки нами показано як саме положення вітчизняної методології забезпечили принципово новий підхід до дослідження психології творчості та обдарованості, що знімає обмеження попередніх «атомистических»

теорії. Відповідно до вимоги Челпанова вивчати явище в його цілісності реалізовано нами в схоплюванні цілісності досліджуваного явища шляхом виявленні його «одиниці аналізу». У цій якості виступає здатність розвитку діяльності з ініціативи її суб'єкта. Відповідно з цим визначенням понять творчості та обдарованості нами представлений новий психодіагностический метод «Креативне поле», який відповідає принципам, відповідним вимогам до науково плідній експерименту Челпанова. Це багаторазовість дослідження і принципово індивідуальний експеримент.

Ключові слова: методологія, філософія, рефлексія, теорія, метод, діагностика, індивідуальний експеримент, багаторазовий експеримент, творчість, обдарованість.

One of the main points of Chalpanov's views is his conviction that science (if it is real science) cannot do without conceptualizing its ideas and becoming aware of its core truths upon which everything else is based. This thought has become the foundation of this research, for we have been able to demonstrate that it is due to the basic ideas of Russian Methodology that we could develop a totally new approach to exploring creativity and giftedness and thus overcome the limitations of the previously existing "atom" theories. One of Chalpanov's recommendations was to study any phenomenon in its wholeness. We have kept it in mind and it has enabled us to look at the phenomenon that we have been researching from the holistic point of view, while getting a clear idea about what its "unit of analysis" should be. It is nothing else but one's ability to take initiative in the development of one's own activity. Based on our definition of creativity and giftedness, a new psycho diagnostic method, called "Creative Field", has come into being. It meets the principles that satisfy Calpanov's requirements for a fruitful scientific experiment: repeated research and making an experiment individual in its essence.

Key words: Methodology, philosophy, introspection, theory, method, diagnostics, individual experiment, recurring experiment, creativity, giftedness.

Щоб оцінити все значення методології Г.И.Челпанова следует вернуться более чем на век назад.

Сегодня любой студент на вопрос, когда психология стала самостоятельной наукой, ответит, что в 1879г., когда была открыта Вундтом первая психо-

логическая экспериментальная лаборатория. И хотя психология покинула философское кресло значительно раньше, уже в середине XIX века по требованию Д.С.Милия, Г.Спенсера и А.Бена, упрекать лектора не стоит, просто потому, что проведение эксперимента и было основной целью и

причиною происшедшей дифференциации наук.

Отметим, что психология не была приبلудной дочерью философии. Диалектика отношений психологии с философией представлена в работах В.Г.Кузнецова и емко в цитируемой нами далее статье. Следует согласиться с тем, что ощущения, восприятия и память, вместе с интуицией, талантом, особенностями характера человека, волей, целями и мотивами, намерениями и установками составляли психологический эмпирический фундамент теории познания, которая наряду с онтологией, этикой, эстетикой и учением о государстве и праве всегда была неотъемлемым разделом философского знания [5].

По-разному отвечая, эмпиризм и рационализм в теории познания ставят одинаковые вопросы. Оба направления считают, что существуют основные источники познания – пять органов чувств и разум. Однако, из психологического мира человека выводятся все субъективные состояния, которые могут препятствовать получению интересубъективного знания. Только это знание претендует на объективную истину. «Человек, живой участник познавательного процесса, лишенный своего внутреннего индивидуального мира, превращается в существо, в жилах которого вместо живой крови «течет разжиженный сок разума» (В. Дильтей) [5, 6]. Это существо было названо субъектом познания, которое было соотнесено, по словам В.Г.Кузнецова, со столь же куцым объектом. При этом действительно, большинство психологических проблем из такой философской теории познания исключалось. Это подталкивало исследователей психологической проблематики на выделение из философского знания. Эта тенденция как

возникала, так и уповала на коренное изменение дел при переходе на рельсы естественнонаучной методологии. Успехи естественных наук укрепили идеал так называемой точной науки, образцом которой служило математическое естествознание. Ориентация на этот образец была объявлена одним из первых строгих критериев научности. В силу этого И.Кант не считал психологию наукой.

То, что тенденцию разъединения философии и психологии современный философ считает опасной, естественно. Однако, при подлинном понимании роли эксперимента в получении научного знания и при этом необходимости философского осмысления в начале XX века, в период стремления психологии к самостоятельному статусу и бурно развивающейся психометрической парадигмы, следовало обладать не только мудростью ученого, но и мужеством.

Первый доклад в качестве руководителя Московского психологического общества Г.И.Челпановым был сделан 21 марта 1910г. на 25-летнем юбилее Московского психологического общества: «О современной индивидуальной психологии и ее практическом значении». Философская образованность признавалась Челпановым необходимой составляющей профессиональной подготовки психолога. Он прямо связывал такую подготовку с научностью, иначе, по его мнению, возникает опасность дилетантизма и профанации в науке, поскольку именно философия – как методология заставляет концептуализировать имеющиеся факты, и рефлексировать то основание, на котором оно строится.

Пожалуй, подчеркнутое Челпановым требование рефлексировать основание на котором строится научное представление является наиболее

трудным и достаточно редким моментов в деятельности исследователя. Естественно, проще работать в верхних слоях фактов и многим представляется, что проникновение в глубину не так уж необходимо. Но именно здесь, предупреждает Челпанов, нас и подстерегает профанация, которая лишает установленные факты их подлинного научного смысла. Без постоянной рефлексии по осмыслению каждого шага и его значения в общей системе знания и осознания его основания, соответствия ему, нет научного знания.

И.Г. Челпанов убедительно показывает, что нет ни одной науки без философского осмысления ее основ. Свои методологические взгляды он убедительно демонстрирует в рамках анализа экспериментальной психологии потому, что именно здесь существует представление об отсутствии очевидной необходимости философского осмысления. В качестве примера, он указывает на определение одаренности как на такой психический феномен, который, как он считал, прямо не подлежит исследованию. Отметим, то, что он писал об одаренности век назад, звучит совершенно современно. Так, он подчеркивает, что измеряя отдельные свойства ничего нельзя сказать об умственной одаренности. Что бы он сказал, если бы мог предположить, что через целый век талант будут определять по оценке в школе «отлично» и «хорошо» и обязательно в ситуации соревнования. Поэтому он утверждает, что современная индивидуальная психология, чтобы быть в состоянии разрешать диагностические задачи, должна предварительно открыть признаки тех или иных способностей, талантов и т.п. «Вместо того чтобы исследовать умственные способности, нужно предварительно решить во-

прос о соотношении способностей!» [8, с.358].

Не только актуально, но злободневно сегодня звучит заключение Челпанова, что многим казалось, что мы в настоящее время не только можем определять умственную одаренность тех или иных лиц, но что мы можем определять *размер* одаренности и даже пригодность к той или другой профессии в связи с наличием тех или иных *талантов*. «Все эти надежды нужно считать совершенно призрачными. Но самые надежды возникают вследствие ложных предпосылок, которые часто кладутся в основу этих исследований» [8, с.364].

По мнению Челпанова самая главная ошибка современной ему индивидуальной психологии заключалась в том, что она исходила из предположения *атомистического* характера душевной жизни, что личность складывается из тех отдельных признаков или явлений (внимания, памяти и т.п.), которые она исследует, забывая, что самые эти признаки или явления предваряются существованием целого душевной жизни, т.е. того, что является основой личности. Он ссылается на утверждение Штерна, что **«Экспериментам определения должны предшествовать эксперименты исследования для того, чтобы получить ответ на вопрос, в какой мере и в каком смысле известные тесты являются показателем известного свойства»** [9].

Факт дробления личности Челпанов видит в том, что «Исследователи говорят, что они исследуют *личность*, между тем как на самом деле они исследуют **отдельные проявления** личности. Ошибка их в том, что они упускают из виду, что *личность*, индивидуальность представляет собою то **целое**, сущность чего отнюдь не может быть понята, если мы даже

точнейшим образом определили тысячи таких примет. Это есть то неуловимое нечто, чего мы никак не поймем, хотя бы поняли все проявления личности, которые для нас доступны в наших экспериментах. Это есть органическое целое, это есть такое единство, которое никак нельзя понять из соединения частей. Я считаю решительно необходимым внести такую поправку в понятие личности в современной индивидуальной психологии» [8, 365-366].

Демонстрируемый Челпановым холистический подход по глубине его раскрытия можно рассматривать как предвосхищение уже в Советской России призыва Л.С.Выготского к смене в психологии поэлементного подхода, где целое разлагается на элементы, методами вычленяющими единицу анализа [4]. Но единицу анализа можно выделить лишь при определении высшей, ставшей формы, отражающей существо изучаемого феномена.

Мудрость Ф.Гальтона, выделившего творчество как отличительную от животных черту рода *Homo sapiens*, сказалась в том, что он стал изучать его высшую форму – гениальность. Это позволило ему выявить не единицу анализа, но основные ее компоненты: высокий ум, личностные и мотивационные характеристики, выносливость [10].

Однако, сделав первый шаг, Гальтон не смог в тот период сделать второй – выделить все же единицу анализа гениальности, в силу этого был вынужден редуцировать ее понятие, сведя лишь к одному из трех выделенным им же компонентам – интеллекту. Вместе с тем, Гальтон на эмпирическом уровне усмотрел то, что в дальнейшем нами было осознано на теоретическом. Он в качестве отличительной черты одаренного человека

(творческий – значит одаренный) считал его «приверженность делу».

Подлинная «приверженность делу» предполагает увлеченность самым предметом, поглощенность деятельностью. В этом случае деятельность не приостанавливается даже тогда, когда выполнена исходная задача. То, что человек делает с любовью, он постоянно совершенствует, реализуя все новые замыслы, рожденные в процессе самой работы, т.е. проявляет познавательную самодеятельность. В результате новый продукт его деятельности значительно превышает первоначальный замысел. В этом случае можно говорить о том, что имело место «развитие деятельности по своей инициативе». Здесь мы наблюдаем феномен самодвижения деятельности, который приводит к выходу за пределы заданного. В этом выходе в «непредзаданное», способности к продолжению познания за рамками требований заданной ситуации, в действии, теряющем форму ответа и кроется тайна высших форм творчества.

Вместе с тем, способность к развитию деятельности по собственной инициативе не объяснима лишь свойствами интеллекта. Исходной нашей гипотезой, было предположение, что это свойство целостной личности, отражающее взаимодействие когнитивной и аффективной сфер в их единстве, где абстракция одной из сторон невозможна, т.е. оно далее «неразложимо». Этот «сплав» способностей и личности обладает свойством всеобщности, т.е. «присуще данному целому как единству и отвечает методологическим требованиям «единицы анализа» творчества [3]. Выделение единицы анализа снимает те трудности, которые не позволяли диагностировать в свое время весь комплекс факторов выделенных Гальтоном. Вместе с тем,

теоретическое определение, выявляющее сущность и раскрывающее механизм изучаемого феномена, требует и обеспечивает разработку метода диагностики, строго адекватного данному определению.

В очередной раз надо отдать должное научной мудрости Челпанова настойчиво убеждающего научное сообщество, что: «Если бы у нас предвзвешенно не существовали какие-либо теории, то у нас не могло бы быть оснований произвести этот, а не другой какой-либо эксперимент» [8, с. 342].

Фактически феномен творчества, теряющего форму ответа отмечался еще древними греками, которые ввели специальный термин «поризм» для обозначения непредвиденного выхода в «непредзаданное». То, для чего корректные греки ввели понятие, на востоке получило обличье легенды, в которой принцы с острова Цейлон, путешествуя в поисках чего-то одного находили нечто ценное случайно. С этой легендой связан термин «Серендипити». Но уже в начале XX века сначала Клапаред, а вслед за ним Ж.Адамар утверждал, что существует два вида изобретений. Первый характеризуется тем, что «цель известна, и нужно найти средства, чтобы её достигнуть, так что ум идет от вопроса к решению». Второй же, напротив, состоит в том, «чтобы открыть факт и затем представить себе, чему он может служить..... Как это ни кажется парадоксальным, чаще всего встречается второй вид изобретений, и он становится все более общим по мере развития науки»[1, с.116].

Имеющиеся диагностические процедуры ограничиваются фиксацией старого типа творчества – решением поставленных задач. В проблемной

ситуации движение мысли с одной стороны стимулировано ее требованием но, с другой – ограничено, находясь, как бы, в прокрустовом ложе между ее условиями и требованием.

Челпанов дал тонкое психологическое определение понятию эксперимента, выявив его классическую модель: «В широком смысле эксперимент, когда мы изучаем какое-либо явление, вызывая его по собственному произволу» [8, с.335]. Фиксация форм творчества, теряющих форму ответа, феномена выхода в «непредзаданное» исключает **«вызов по собственному произволу»**.

Вместе с тем, чтобы в реальные сроки выявить присущий личности потенциал, необходимо обеспечить наличие области, пространства для прослеживания хода мысли за пределами решения исходной задачи, чтобы моделировать реальную познавательную ситуацию.

Новая модель эксперимента должна быть представлена вариативной деятельностью, но не как в тестах, где имеется набор разных задач. Она должна быть однородной и вместе с тем разной. Этому требованию удовлетворяет система однотипных задач. Они решаются в принципе одним способом, но различаются между собой по какому-то параметру. В этом случае мы можем проследить за процессом овладения деятельностью, а на следующем этапе процесс ее развития.

Поскольку система однотипных задач содержит ряд общих закономерностей, это обеспечивает построение двухслойной модели деятельности. Первый, поверхностный слой, – заданная деятельность по решению конкретных задач. Второй – глубинный слой, замаскированный «внешним»

слоем и неочевидный для испытуемого, – это деятельность по выявлению скрытых закономерностей, которые содержит вся система задач, открытие которых не требуется для их решения. Исследование действия, теряющего форму ответа, требует методической реализации принципа – отсутствия внешнего и внутреннего оценочного стимула. Это оказывается возможным именно в силу того, что второй слой не задан эксплицитно в экспериментальной ситуации, а содержится в ней имплицитно, скрыто. И чем богаче этот «слой» деятельности, чем шире система закономерностей, чем четче их иерархия, тем большей диагностической и прогностической силой обладает конкретная экспериментальная методика.

Поскольку возможности испытуемого могут быть обнаружены лишь в ситуации преодоления и выхода за пределы требований исходной ситуации, то ограничение, «потолок» может быть, но он должен быть преодолен, снят. Структура экспериментального материала должна предусматривать систему таких ложных, видимых «потолков», но быть неограниченной. Этим она отличается от «Открытых» задач. Таким образом, второй принцип заключается в требовании отсутствия «потолка», ограничения деятельности в целом [2].

Полноценная, методологически последовательная реализация перечисленных принципов возможна только в том случае, если деятельность испытуемого не будет ограничена во времени и эксперимент будет многократным. Это третий принцип метода. Подчеркнем, длительное исследование на одной выборке привело нас к выводу, что исследование творчества обязательно должно быть многократным. Ведь не только кратковремен-

ность, но и одноразовость испытания может вызвать у испытуемого стрессовое состояние и в значительной степени препятствовать отделению результата испытания от влияния побочных факторов данного момента. Снять это влияние в однократном тестировании очень трудно: на адаптацию к новой деятельности в эксперименте уходит слишком много времени и, в конце концов, начинает действовать новый фактор-устомление-контаминирующий результаты. Многократность исследований представляется оптимальным средством избавления от влияния состояния испытуемого на результаты. Чтобы обеспечить действительную длительность и многократность исследований, деятельность должна быть вариативной, как бы перманентной и неоднородной на различных этапах эксперимента [2].

Наши выводы полностью совпадают с принципами, сформулированными Челпановым. Он считал серьезной ошибкой, когда экспериментатор определяет психические особенности при помощи испытания *в один прием*. Этот ошибочный прием является следствием мнения, что психические качества представляют такие же *постоянные* величины для данного индивидуума, как его лицо, цвет волос и т.п., между тем как на самом деле они представляют колеблющиеся величины в зависимости от различных условий [8, с. 367].

Перечисленные принципы образуют метод, который мы условно назвали «Креативное поле» [2]. Реализация метода возможна лишь при условии выполнения принципов в их единстве. Вместе с тем, мы столкнулись с тем, что, несмотря на то, что «Креативное поле» на данный момент является единственным методом, который позволяет выявлять творческие спо-

собности, он встречает определенные трудности во внедрении в широкую практику. Причина заключается в требовании проведения индивидуально-го эксперимента, что принципиально.

В этой связи значимы размышления Челпанова над массовым проведением *массовых* экспериментов. Он указывает на то, что они выгодны в том отношении, что опыты могут быть производимы над лицами, находящимися в одинаковых условиях (приблизительно одного возраста, одного пола, развития и пр.), кроме того, зараз можно получить огромное количество данных. «Но самое существенное неудобство экспериментов этого рода, пишет он – заключается в том, что *в них индивидуальность испытуемого совершенно утрачивается, своеобразность происходящего в нем психического процесса скрывается*. Теряется то, что могло бы иметь существенное значение для выводов» [8, с. 368]. Он выражает сомнение в достоверности полученных цифр и приходит к выводу, что гораздо целесообразнее тщательно произведенные эксперименты на одном лице, чем эксперименты, производимые на множестве лиц. Лучше получить 10 цифр достоверных, чем 100 цифр, относительно достоверности которых могут быть сомнения [там же].

Применение метода, построенного в соответствии с принципами, разрабатываемыми Челпановым, позволило нам выявить меру «приверженности делу» на основе дифференцировании всей сложной и неоднородной феноменологии творчества и разработки его типологии на основе выделенных философией уровней познания.

К первому уровню мы относим деятельность человека, включая уровень высокого мастерства, но она всегда стимулирована извне. Поэтому мы называем его «стимульно-продуктив-

ным». Анализ на этом уровне направлен на конкретную ситуацию и выполняется на уровне единичного, по философской классификации.

Ко второму – «эвристическому» относится деятельность, развиваемая по инициативе самой личности. Это уже уровень искусства и открытий законов, о чем С.Л.Рубинштейн говорил как о «...взрывании слоев сущего»[7]. Это анализ на уровне особенного. В научной литературе так характеризуют талант.

Третий уровень – «креативный» характеризуется не только открытием новых закономерностей, но их теоретическим доказательством. Это уровень построения теорий и постановки новых проблем. Здесь анализ совершается на уровне всеобщего. Такой анализ обеспечивает познание сущности объекта. Но познав сущность явления можно предсказать качественные скачки в его развитии, что определяет прогностические способности субъекта. Именно эта способность более других характеризует гения, который прогнозирует на столетия вперед.

Поскольку движение человека по уровням познания опосредуется богатством его внутреннего мира, его системой ценностей, жизненной направленностью, то это позволяет думать, что «функциональный орган» творческих способностей и одаренности не может быть подобен сенсорным, он не может иметь локальный мозговой носитель. «Функциональным органом» творчества и одаренности, в выше приведенном понимании, может выступать лишь личность в целом. Это, наконец, реализует методологическое требование Г.И. Челпанова.

За прошедший век психология стала массовой профессией. Те опасения и требования, которые высказывались Челпановым в начале становления

психології як науки в Росії, при-
обретають другу масштабність. Надо
понимать, что без теоретической реф-
лексии и философского осмысления
ее оснований психология действитель-
но может выродиться в ремесленную
технику. Мы, к сожалению, в настоя-
щее время встречаемся с ситуациями,
когда «простой работник знает, как

что-то делается, но не знает, почему
так делается»[8, с. 347].

Наследие Челпанова бесценно, это
обращенное ко всем нам его завеща-
ние не потерять науку за горой фак-
тов, «не нашедших своего *положения* в
общей системе психологических зна-
ний»[8, 330].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М: 1970
2. Богоявленская Д.Б. Метод исследования уровней интеллектуальной активности . //Вопросы психологии - . 1971.-№ 1.с.144-146.
3. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей Самара: ИД «Федоров», 2009. - 416 с..
4. Выготский Л.С. Психология развития человека М.:Смысл, 2003.
5. Кузнецов В.Г. Философия и психология. Отношение между философскими концепциями и психологией //От истоков к современности. М: -2015
6. Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., В.В. Миронов, К.Х. Момджян «Философия. Учение о бытии, познании и ценностях человеческого существования», М., 2009, с. 28-44.
7. Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М., 1946.
8. Челпанов Г.И. Психология, философия, образование. Избранные труды. М-Воронеж: 1999.- с.521.
9. Штерн В. Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1909. №3 и 4. Сmp. 186.
10. Galton F. Hereditary Talent and Character. MacMillan's Magazin, vol.XII, 1865